

Когда Бертрам был маленьким, Эрих, который путешествовал с Бертрамом, не имевшим родителей, часто так говорил. Даже если есть силы свободно бродить по пустоши, иногда нужно заходить в города, где живут люди. Конечно, в городе могут обидеть, так что нужно быть осторожным, но разве жизнь, в которой бесконечно скитаешься по пустоши, не встречаясь ни с кем, не такая же, как у этих бесчисленных бедствий?

— Конечно, нельзя принуждать этих мышат. Ведь это имеет смысл, только если они сами это осознают.

—

— Но, по крайней мере, я так чувствовал. Что восемь лет путешествий по миру с вами были гораздо более ценными, чем двадцать семь лет жизни в приграничной зоне.

В сжатой руке Ахивальда прибавилось силы. Будто тепло, переданное этой рукой, поднялось к затылку и ушам, Бертрам усмехнулся, чувствуя, как лицо разгорается.

Наверное, это из-за гордости. Уверенность в том, что решение, которое он когда-то принял, было правильным, что хорошо взял этого волка к себе - в момент, когда такая уверенность наполняет уголок сердца, чувствуется радость и удовлетворение. Эмоции, заполняющие грудь, и тяжёлый вес, поднимающийся на бёдра, были даже слегка подавляющими.

Нет, погоди. Бертрам вздрогнул.

Вес?

— То есть, в этом смысле.

— Да, в этом смысле... Погоди. Что ты делаешь?

— Можно сделать ещё одну ценную вещь, которую я не смог бы сделать, если бы не вышел в мир, следуя за вами?

Весь вес крупного мужчины лёг на бёдра. Шорх, сила сжатых рук ослабла, и грубая рука поднялась, погладив щёку Бертрама. Бертрам ошеломлённо смотрел на Ахивальда, в мгновение ока забравшегося ему на бёдра, словно накрывая.

— Нет, как этот разговор вдруг повернулся в такую сторону? Мы же о другом говорили?

— В конечном счёте разве не об одном и том же? Если бы я не пошёл за вами, я бы не узнал и этого удовольствия быть с вами так.

— Ты собираешься так извратить эти слова?

— Это не извращение, а интерпретация. В любом случае, это мои слова, так что могу интерпретировать как хочу?

Чмок, чмок. Когда посыпались лёгкие и нежные поцелуи на лоб и нос, лицо Бертрама покраснело в другом смысле. Когда Бертрам не находился под властью артефакта, Ахивальд любил неожиданно нежные ласки. Рука, погладив щёку, медленно спустилась вниз, провела по затылку и начала медленно расстёгивать пуговицы верхней одежды Бертрама.

— Я ещё не говорил, что согласен

— Не поможете мне немного? На самом деле ноги всё ещё немного ноют. Если командир поможет, кажется, боль забудется.

— Ты же только что говорил, что побочные эффекты прошли?

— Думал, что так, но, видимо, нет. Даже сейчас довольно больно и ноет, так что если командир утешит другим способом, кажется, станет лучше...

— Мне кажется, что как ни посмотри, ты плетёшь интриги, а? На самом деле выдумываешь несуществующие побочные эффекты?

Говоря так, Бертрам легко обвил руками шею Ахивальда. Ахивальд, словно получив разрешение, легко поднёс свои губы к губам Бертрама. Хотя и самовольно забрался на бёдра, но зная терпение этого волка, который не поцелует без разрешения Бертрама, тот не выражал особого недовольства.

К тому же, иногда такие интриги, сквозь которые видно насквозь, были милыми и прощались. Если бы Борис сделал такое, несомненно отругал бы, разозлившись, а когда они вдвоём, тридцатипятилетний мужик строит невозможные капризы.

— Тогда давай поговорим о других побочных эффектах? Когда раньше все вместе трахали, успокаивая ваши побочные эффекты командира...

— Что тогда было.

— Знаете, как трудно было просто лежать? Хотелось немедленно вернуться в человеческий облик и сожрать вас с головы до ног, так что, сдерживаясь, голова чуть не взорвалась.

Шёпот Ахивальда на мгновение остановился. Верный своим словам о том, что хотел сожрать, мягкий язык проскользнул между губ Бертрама и грубо вылизал слизистую внутри. Хлюпающий звук переплетающихся языков влажно растекался, и руки Ахивальда, уже расстегнувшие все пуговицы верхней одежды, забрались под одежду и сжали грудь Бертрама до готовности лопнуть.

— А, хып...

Одна рука стимулировала грудь, вращая двумя пальцами уже затвердевший от возбуждения сосок, а другая рука залезла в штаны и нежно потёрла вздувшийся над бельём член. Всё тело напряглось, бёдра дёрнулись. Было удивительно, что после того, что было раньше, снова возникло желание.

Благодаря усердным ласкам к нижней части тела прилило что-то весомое и горячее, и когда жидкая прозрачная жидкость, вытекшая из кончика головки, слегка намочила бельё, Ахивальд медленно оторвал губы. Бертрам, смутившись от удовлетворённого выражения лица Ахивальда, немного проворчал.

— Эй, есть у тебя совесть? Ты тогда один активно пользовался задней дыркой. Если исключить то, что Эрих кончил вначале, вся сперма, попавшая в мой зад, была твоей.

— Ну, это так.

— Тогда хватит, зачем снова возбуждать?

— Во-первых, командир тоже уже возбудил свою штуку, но это во-вторых... То, что я хочу - это не просто воспользоваться дыркой.

Руки Ахивальда схватили штаны и бельё Бертрама и разом стянули. Бертрам слегка приподнял бёдра, помогая ему снять одежду. Когда штаны были полностью сняты и обнажились стоящий член и ягодицы, Ахивальд, словно зачарованный, скользнул взглядом, облизывая обнажённое тело Бертрама. Тот самый взгляд, что он чувствовал раньше, когда Ахивальд был волком.

— Хотел съесть всё. С головы до ног, не пропустив ни одного места.

— Жадный ты.

Ахивальд сразу же склонил голову и уткнулся лицом в нижнюю часть тела Бертрама. Взяв в рот головку, струящуюся прозрачной жидкостью, облизал её досыта, затем, спускаясь ниже, вылизал языком столб, а потом взял в рот мошонку. словно смакуя леденец, ласкал каждое яичко по очереди кончиком языка, отчего из глубины горла Бертрама вырвался стон.

— А, хы...

— Конечно, это не значит, что не хочу трахать сзади. Я знаю, насколько тесно и горячо там, насколько хорошо принимает моё. Но...

Ахивальд одновременно ласкал член ртом и раздвигал и тыкал пальцами в заднюю дырку. Благодаря тому, что раньше несколько часов принимал члены, хорошо расслабленная дырка, казалось, не требовала долгого раскрытия, но всё равно Ахивальд продолжал нежные ласки, словно наслаждаясь ощущением прилипающей к пальцам слизистой. От действий, круговыми движениями трущих вокруг чувствительного места, взволнованный Бертрам дёрнул бёдрами, и тот тихо рассмеялся.

— Хып, ха, Ахивальд, мм...

— При случае хочу единолично завладеть всем вашим телом.

Чуть позже поднявший голову Ахивальд с удовлетворением улыбнулся, глядя на член Бертрама, промокший его слюной. В отличие от Бертрама, почти полностью раздетого, сам он, достав стоящий член лишь через щель в штанах, медленно приставил член к дырке и вставил только до головки.

Он неспешно наслаждался видом того, как покрасневшая опухшая слизистая входа трепещет, втягивая головку, и как широко раздвинутые бёдра вздрагивают от напряжения. Бертрам, рассеянно отдышавшись, смотрел на его лицо. Ахивальд выглядел так, будто очарован чем-то прекрасным.

— В прошлый раз я отругал Бориса. За то, что пометил ваше тело мочой, превратив в вонючую помойку.

—

— Но, честно говоря, я не могу не понимать. Как можно это терпеть, глядя на это ваше тело? Я бы в волчьем состоянии, естественно, сделал так же.

—

— То, что я не превращаюсь в волка из-за экзоскелета – это есть, конечно, но поддерживаю человеческий облик не только по этой причине. Просто... Я немного менее терпелив, чем Борис. Понимаете, о чём я?

Говоря бесстыдно, что нет терпения, Ахивальд всё ещё нежно повторял неглубокие проникновения, заставляя входить и выходить только часть головки. Из-за того, что тыкал только в места более мелкие, чем те, куда входили пальцы, Бертрам взволнованно дёргал бёдрами.

— Если бы я был Борисом, возможно, связал бы вас и три дня и три ночи поливал бы спермой и мочой с головы до ног. И в задницу, и в рот, сверху и снизу – чтобы принимали только то, что вышло из моего тела. Снизу накормил бы спермой досыта, а сверху напоил мочой, чтобы не испытывали жажды. Конечно, у вас такие габариты, что этого было бы недостаточно.

—

Говоря грязные вещи о сперме и моче, руки, трогающие щёку и поглаживающие затылок, были мягкими и нежными, как перья. Бертрам оставил его в покое, с мыслью – посмотрим, как далеко зайдёт, и тот, наполовину вставив член, осторожно сжал грудь Бертрама. Уткнувшись лицом в грудь, которая не была мягкой, так как состояла из мышц, осторожно потёрся о неё щекой и, чмокая, целовал сосок – всё это выглядело так отчаянно и страстно, словно поклонялся святыне.

— Тогда ваш запах не смог бы стереться. Буду писать мочой, пока Эрих не сможет смыть, как бы ни старался. Потому что люблю вас, потому что хочу оставить чёткое доказательство, что вы – мой...

Хе, на этом месте Бертрам рассмеялся, словно не веря. Когда озадаченный Ахивальд рассеянно поднял голову, Бертрам с забавным выражением ухмыльнулся и схватил голову Ахивальда обеими руками. Глядя прямо в глаза Ахивальду, Бертрам прошептал ему на ухо.

— Думал, что за бред несёшь так долго. Эй, это же наоборот.

— Б-бред, это я знаю, но... Наоборот?

— Ты что, забыл содержание контракта? Даже если прошло восемь лет, всё же.

Чмок, поцеловав Ахивальда в щёку, он обвил руками шею Ахивальда и прижался к нему телом. Естественным образом их тела слились, и соединение в нижней части углубилось. Двигая бёдрами, приняв член Ахивальда до конца, Бертрам, улыбаясь, прошептал ему.

— Не тупая же собака, не узнающая хозяина, так кто кому принадлежит?

— ...А?

— Я твой – что за бредовые слова? Это ты – мой, Ахивальд. И за жизнь в долгу, и за артефакт в долгу. Пока не расплатитесь с этими долгами, вы с братом – мои на всю жизнь. Неужели ты настолько тупой, что этого не понимаешь?

Словно получив удар по затылку, Ахивальд долго смотрел на Бертрама ошеломлённым взглядом. Но вскоре он свирепо растянул губы в улыбке, полной радости. Когда Бертрам ухмыльнулся в ответ, тот кивнул, словно понимая.

— ...Это тоже радует. Если смогу всю жизнь прожить вашей собакой.

Хлоп, изо всех сил вонзившийся член точно ударил в чувствительное место. Прижав тело Бертрама к дереву и подняв нижнюю часть так, чтобы весь вес держался только на месте соединения, затолкал - тело Бертрама задрожало, извиваясь.

— Ахах, хык, а, хыт!

— Чувствовать - это хорошо, но не издавайте слишком много звуков. У мышат ночью чуткий слух...

Говоря так, снизу без передышки безжалостно вбивал член. Широко раздвинутые и неопределённо повисшие в воздухе ноги дрожали, словно в конвульсиях, каждый раз, когда член вбивался.

Лучше бы хоть поцелуем рот закрыл, но Ахивальд, словно дразня Бертрама, уткнулся лицом в грудь и продолжал ласки. Ртом взял сосок и окружающую плоть разом и грыз, а одной рукой так грубо мял другую грудь, что оставались следы. Хотя при таких грубых ласках должно быть больно, но за три года постоянных ласк груди теперь другого рода ломота распространялась по всему телу Бертрама.

— Хаак, мм, хыт, а, аах...

Хлоп, хлопок, каждый раз, когда чувствительное место словно раздавливалось, грудь крепко мяли, и в какой-то момент ощущение грубо сдавливаемой груди и наслаждение от толчков во внутренности стали почти идентичными. Хотелось, чтобы ещё сильнее сжали грудь, чтобы ещё сосали и кусали распухший красный выступ.

Бертрам с трудом прикрыл рот одной рукой, чтобы заглушить звуки. Но что толку от того, что он приглушил свои стоны. Каждый раз, когда Ахивальд толкал бёдрами, раздавался шумный глухой звук ударяющейся плоти, а когда сосал сосок и брал в рот плоть груди, раздавались постыдно хлюпающие звуки.

— Мм, хыт, хорошо, ха, Ахивальд, мм, хып, ааа...!

— Кхып, ыт... Командир. Вы, как человек, правда, действительно...

Внутренности раздирались - раздирались, грудь мяли - мяли, просто беспорядочно лились звуки. В какой-то момент он уже свободно стонал, качая бёдрами. Из горла Ахивальда, оставляя на груди красные следы, целуя и облизывая, также вырывались полные наслаждения стоны. Скрип, чавк, член, непрерывно повторяющий трение и раздирающий стенки, казалось, уже постепенно достигал предела.

— Вы... Слишком... Слишком нравитесь.

— Ах, хыт, ха, ааа...!

— Знаете? То, что я начал заниматься с вами сексом - это случилось три года назад.

— Хык, аыт, ах!

— Но я влюбился в вас с самого первого раза, когда встретил.

Вместе с шёпотом, подобным вздоху, без колебаний выскользнувший из стенок член Ахивальда

излил сперму на живот Бертрама. Лишившись опоры и опустившийся на землю Бертрам также почти одновременно достиг оргазма.

С тяжёлым дыханием они какое-то время смотрели друг на друга рассеянным взглядом. Смотреть на лицо партнёра, пропитанного наслаждением, с таким же вялым и приятным выражением, как у самого – это было довольно прекрасно и удовлетворительно.

После долгого взгляда друг на друга первым заговорил Бертрам. Он ухмыльнулся и пальцем указал на свой живот.

— Слижи. Я раньше съел столько, что больше не могу.

— Да, вылижу начисто.

Пока Ахивальд языком слизывал сперму на животе от обоих, Бертрам удовлетворённо тяжело дышал, поглаживая голову Ахивальда. Ахивальд, радуясь, как собака, получающая похвалу от хозяина, закрыл глаза.

На следующее утро Бертрам, вяло поспав, используя руку Ахивальда как подушку, проснувшись и вернувшись в пещеру, должен был выслушать от мышат довольно ошеломляющие слова.

— Мы тоже хотим стать наёмниками, дядя!

— Что, наёмниками...?

Судя по всему, это была предельно серьёзная просьба с их точки зрения, так как три пары круглых глаз, сверкая, как звёзды, смотрели снизу вверх на Бертрама. Бертрам, рассматривавший только варианты вроде раздачи припасов или отвоза в город, естественно, был ошеломлён и потерял дар речи. Не только Бертрам, но и другие наёмники, судя по всему, тоже были лишены слов.

— Э-это нереально... Понимаем, что это сложная просьба. Но очень просим. Можете не брать нас именно в ваш отряд.

— Что сложная просьба, как видно. Ну, давайте послушаем, какой ветер подул, что вы такое говорите.

— Дело в том... Неважно, жить в городе или в пустоши, кажется, сначала нужно стать сильными.

— Само это утверждение верное. Но стать наёмником – не значит обязательно стать сильным...

— Мы хотим стать наёмниками и стать сильными, как дядя! Чтобы победить и охотников за рабами, и бедствия!

Мышата уже смотрели снизу вверх на Бертрама с выражением лица, полным мечты и надежды. Объяснять взрослую реальность о том, что стать наёмником не значит стать сильным, а просто, чтобы долго выдерживать тяжёлую жизнь наёмника, приходится становиться сильным – было слишком для таких безоблачных детских глаз.

— Эти парни, похоже, заикнулись на странном...

— Разве не нормально, командир? Если реально подумать, это ведь лучший вариант. Если передать надёжному отряду наёмников, чтобы начали с подручных, может, позже станут годными наёмниками.

В словах Хербарта тоже был смысл, так что Бертрам кивнул. Действительно, для детей-зверолюдей, разочарованных в городе и не привязавшихся к пустоши, нет лучшей профессии, чем наёмник. Взять малышей в Отряд наёмников Ворон, естественно, невозможно, но устроить их на низшие должности в отряде наёмников, который не издевается над зверолоудьми и снисходителен к детям, не так уж сложно.

— К тому же, эти малыши, увидев, как вы, командир, классно сражаетесь, обрели свою мечту, разве нет? Раз оказали хорошее влияние на детей, можете немного порадоваться.

Люди ведь должны встречать людей, чтобы расти, разве нет - на эту балагурную фразу Ахивальда Бертрам неловко откашлялся. Конечно, с одной стороны было чувство гордости, но не хотелось его показывать.

— Х-хватит нести чепуху. Раз так получилось, придётся менять пункт назначения. База Отряда наёмников Серебряная Змея была отсюда на запад?

— З-змея? Нас съедят?

— Что за глупости говоришь? Там не настоящие змеи. Наш отряд тоже Отряд наёмников Ворон, но мы же ворон не держим? Просто название такое.

— А, правда...?

Хоть совместимость названий может быть не самой лучшей, но сам Отряд наёмников Серебряная Змея - безупречное место. Умения командира отряда Вениамина тоже хорошие, не выжимает членов отряда чрезмерно и не лезет в странные заказы, так что репутация среди наёмников хорошая. Как и отряд Бертрама, три года назад попал под чёрное бедствие, отчего какое-то время шатался и оседал, но недавно более-менее восстановил ущерб и снова наращивает масштабы, как прежде.

— Тогда этих детей отдадите в Отряд наёмников Серебряная Змея?

— Придётся. Вениамин в таких вещах довольно строгий, так что уж точно не отберёт артефакты у детей и не будет плохо обращаться.

— А может, интересно было бы нам их взять? В смысле - растить будущих членов отряда.

— Я не ты, Эрих. Нет у меня таланта растить детей. Если только ты собираешься их растить.

— Мало того, что растил вас, командир, тридцать лет, так ещё троих детей одному растить? Это не смогу.

Эрих хихикал, смеясь, а Бертрам, "воспитанный" Эрихом с десяти лет, кисло усмехнулся и пожал плечами. Конечно, если бы Эрих, то трёх мышей-зверолюдей тоже вырастил бы хорошо, но изначально, похоже, и сам не говорил серьёзно. На данный момент самым разумным выбором будет передать детей другому отряду наёмников.

— Тогда и подниматься в горы не нужно. Сразу двигаемся на запад к базе Отряда наёмников Серебряная Змея.

Наёмники убрали место, где ночевали накануне, и собрали вещи. Раз сменили пункт назначения на запад, придётся ещё дня три идти по пустоши, но раз прибавилось трое болтающих малышей, по крайней мере скучно не будет.

<http://bllate.org/book/15038/1337847>